

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

С. Дж. КЭРРОЛЛ,
Л. М. ЗЕРИЛЛИ

Феминистские вызовы политической науке*

Исследование темы "Женщины и политика" в рамках политической науки было стимулировано современным женским движением и развивалось параллельно с ним. В 1970-х и 1980-х годах работы по этой проблематике получили официальный статус внутри американской политологической дисциплины, и уже к началу 1990-х годов количество докладов, статей и книг по данному вопросу значительно увеличилось. Например, на ежегодной сессии Американской ассоциации политической науки в 1992 году было представлено более 60 докладов по гендерной тематике, а в 1991 году научный журнал "Женщины и политика" ("Women & Politics") посвятил ей 24 статьи и 21 рецензию.

Феминистское направление в политической науке поднимает ряд вопросов, бросающих вызов теоретическим и эпистемологическим основам, на которых построена эта дисциплина. Мы рассмотрим их в контексте трех аналитически разнородных категорий исследований по проблеме "женщины и политика". К *первой категории* относится критика тех путей, следуя которым политическая теория и эмпирические исследования в политологии традиционно не признавали за женщинами права на политическую деятельность. *Вторая категория* охватывает исследования, которые попытались ввести женщин в политику, сделать их заметными политическими фигурами, принимая вместе с тем существующие и доминирующие ориентиры политического анализа. К *третьей категории* относятся исследования, которые ставят под вопрос доминирующие у нас ориентиры и подходы, исходя из того, что они не согласуются с восприятием женщин как участниц политической жизни и поэтому должны быть концептуально пересмотрены.

Обсуждая эти три категории исследований, мы пользуемся преимущественно литературой по политической теории и американской политике, поскольку специализируемся в этой области, а также потому, что эти две области политических исследований содержат большое число работ по гендеру.

* Статья опубликована в: Political Science: The State of the Discipline II. Ed. by *Ada W. Finifter*. Washington (D.C.), 1993. Печатается с сокращениями.

Кэрролл Сьюзен Дж. (Carroll Susan J.) - профессор политической науки и Иглтонском институте политики Рутгерс (США), преподаватель центра "Американские женщины и политики".
Зерилли Линда М. (Zerilli Linda M.) - профессор Нордвестернского университета (США).

Незаметные и аполитичные женщины

В политологии, как и в других науках, феминистское направление возникло из-за несогласия с философскими и эмпирическими канонами политической теории бихевиористского направления политической науки, исключившими женщин и их деятельность из сферы внимания, пользуясь расхожими представлениями об их аполитичной "природе". Хотя ряд важных критических работ появился в 1970-х годах [Bourque, Grossholtz, 1974; Shanley, Schuck, 1974; Jaquette, 1974; Iglitzin, 1974; Goot, Reid, 1975; Boals, 1975; Okin, 1979; Elshtain, 1979] более поздние работы позволили понять, почему эта дисциплина в целом, равно как и ее отдельные направления не смогли поднять тему женщин и оказались во власти стереотипов [Randall, 1991; Ackelsberg, Diamond, 1987; Nelson, 1989; Sapiro, 1989; Grant, 1991; Halliday, 1991].

"Неприметность" женщин в политике, равно как и сексистское к ним в этой сфере отношение, многие феминисты и феминистки объясняли историческими традициями западной политической теории, оправдывавшими исключение женщин из общественной жизни. Большинство политических теоретиков - от Платона до Гегеля - изображали женщин существами не вполне очеловеченными, недостаточно политизированными [Figes, 1970; Mahowald, 1978; Brennan, Pateman, 1979; Clarke, Lange, 1979; Pateman, 1980]. Женщинам приписывали разрушительную сексуальность, отсутствие чувства справедливости и благоразумия; они считались лишенными качеств, обязательных для активного участия в жизни гражданского общества. Короче говоря, "женщины *qua* женщины" были "исключены из общественной, политической и экономической сфер" [Clarke...].

Феминистки, сосредоточившие внимание на "явно устарелых, или откровенно женоненавистнических элементах" классических текстов [Brown, 1988], осудили "сексизм политической теории" и объявили западную традицию "полностью несостоятельной" как средства для развития феминистских теорий гражданства и равенства полов [Clarke... Figes]. Даже те феминистки, которые не поддерживали столь категорическое отрицание канонов, признали, что классические теоретики мало что могли предложить для политического анализа разделения труда в семье по половому признаку [Okin, 1979; Elshtain, 1981; Eisenstein, 1981]. По мнению С. Оукин, проблема частично заключалась в том, что политические теоретики натуралистически представляли себе семью и место женщин в ней. Они рассматривали женщин с чисто функциональной точки зрения: «Философы, которые при закладке основ своих политических теорий спрашивали - "Что такое мужчины?", "Каков потенциал мужчин?", обращаясь к женскому полу, зачастую ставили вопрос так - "Для чего существуют женщины?"...» [Okin, 1979].

Такие понятия, как справедливость, право и согласие, не только были сформулированы в отсутствие женщин на политической арене, но их значение было определено через это отсутствие. Подобный ключевой подход, хотя и не полностью разработанный в феминистской литературе в конце 70-х и начале 80-х годов, был решающим для учения о гендере по крайней мере по трем причинам: *во-первых*, он позволил феминисткам воспротивиться подходу к политической теории на основе рецепта - "добавь женщин и размешай"; *во-вторых*, он заставил задуматься над нынешним статусом женщин как второсортных граждан; *в-третьих*, подсказал мысль о том, что наследие западных традиций в политической науке обусловило восприятие женщин как политических аутсайдеров, для которых наиболее подходящим местом является семья.

В традиционной литературе бихевиористского направления в политологии редко упоминают о женщинах и мало внимания уделяют объяснению их поведения. Независимо от того, присутствовали или отсутствовали женщины среди исследуемого населения, они оставались незаметными в большей части литературы. Даже когда женщины были включены в исследуемые темы, но изучение их опыта могло бы вступить в противоречие с основными выводами исследования

(как, например, по утверждению В. Сапиро, это могло бы иметь место в работе Р. Даля "Кто правит?"), то в этом случае женщин просто игнорировали [Sapigo, 1979].

Тем не менее четкое и логичное описание женщин и их поведения возникает из упомянутых работ эмпирического канона. Созданный портрет изображает женщин в худшем случае аполитичными, в лучшем - политически неполноценными [Berelson *et al.*, 1954; Campbell *et al.* 1960]. Они реже мужчин участвуют в выборах, а если голосуют, то склонны полагаться на мужей и голосовать, как они. Женщины "персонализируют" политику, обращая больше внимания на личности, нежели на обсуждаемые вопросы [Greenstein, 1965; Almond, Verba, 1963], более консервативны в своих политических симпатиях и при голосовании, несмотря на то, что голосуют так же, как мужья, менее терпимы по отношению к левым политическим группам, таким как коммунисты и социалисты [Stouffer, 1955].

Ученые-феминистки показали, что такой политический портрет женщин базируется на исследованиях, изобилующих непроверенными предположениями и методологическими ошибками, которые привели к преувеличению различий между мужчинами и женщинами.

Ранние политологи-бихевиористы, не колеблясь, приняли факт разделения общественной и частной сфер и характеристику женщин как преимущественно ориентированных на обязанности и работу в частной сфере [Elshtain, 1974]. Семья рассматривалась как монолитная единица [Sapigo, 1989; Goot...], где мужчина был главой и доминирующим политическим авторитетом. Первостепенными обязанностями женщины считались те, которые были связаны с ее ролью жены и матери. Политическое поведение мужчин стало нормой, по которой оценивалось политическое поведение женщин [Bourque...]. Эти положения не только не проверены, но, похоже, были восприняты как "естественные", а изменения в ролях мужчин и женщин рассматривались как невероятные или нежелательные.

В результате низкий уровень политического участия и интереса к политике у женщин не считался проблемой. Политологи не изучали эмпирически вопрос о том, почему женщины в общем составе населения не показали более высокого уровня вовлеченности в политику, ибо полагали, что знают почему. Таким же образом почти полное отсутствие женщин среди политической элиты, особенно на официальных должностях, не заинтриговало и не встревожило политологов. Подобное положение стало предметом анализа только после появления феминизма как вне, так и внутри политологии.

Феминистки указали на несколько способов, пользуясь которыми можно предъявить обвинения политологам-бихевиористам в применении "плохой науки" при изучении склонностей и занятий женщин. Ряд ученых привели примеры, показывающие, что политологи преувеличили или даже неправильно истолковали полученные результаты, чтобы согласовать их со своими предвзятыми концепциями относительно характера женщин и различий между мужчинами и женщинами [Goot... Bourque...].

Когда исследователи находили различия между женщинами и мужчинами, то почти всегда интерпретировали их таким образом, что женщины выглядели аполитичными. Бурк и Гросшольц указали на то, что низкий уровень политической активности женщин по сравнению с мужчинами истолковывался как признак компетентности мужчин и некомпетентности женщин. В противовес этому они предположили, что такие свидетельства могут отражать "проницательную оценку политического процесса" женщинами и что, возможно, мужчины "выразили иррационально высокий уровень активности в силу ограничений роли их пола, роли, которая предполагает, что они обладают властью и способностями влиять на политический процесс" [Bourque...].

Часто исследователи с помощью явно предвзятых вопросов добиваются ответов, характеризующих мужчин как политически активных, а женщин - как аполитичных. Например, Л. Иглицин, изучая вопросники, применявшиеся в трех классических иссле-

дованиях политической социализации [Greenstein, 1965; Hess, Torney. 1968; Andrain, 1971], пришла к выводу, что во многих вопросах "политика представлена как исключительно мужской мир благодаря неизменному использованию слов мужского рода, подбору рисунков и ограниченному и стереотипному отбору полученных ответов".

Существует и другое направление исследований в бихевиористской политологии - более фундаментальное и не столь очевидное для упреков в предвзятости. Так, Ж. Эльштайн утверждает, что проблема заключается в эпистемологии, разделяющей факты и оценки: "Проблема является более сложной и фундаментальной, нежели любые упреки в предвзятости. Она заключается в том, что любая объясняющая теория политики, поддерживает специфический набор нормативных выводов. Для того чтобы иметь в своем распоряжении разъясняющую теорию, аналитик должен принять определенные ориентиры, связанные явно или неявно с представлениями о человеческой природе и человеческих целях. Эти ориентиры очерчивают границы явления, подлежащего изучению. Некоторые факторы социальной жизни будут включены, а другие исключены из рассмотрения еще до начала исследования".

По мнению Эльштайн (с которой солидарны многие политологи-феминистки), бихевиористская политология приняла такую систему координат, которая выводит большинство женщин за пределы политики в область частной жизни.

Феминистки, критикующие философский канон политической теории и эмпирической канон бихевиористской политологии, полагают, что современные политологи должны относиться ко многому из того, что написано до 1970-х годов, со скептицизмом. Дофеминистская эмпирическая литература находится под таким сильным влиянием представления об аполитичной природе женщин, что трудно отделить научные факты от вымысла.

Феминистские критики эмпирических канонов свидетельствуют также, что позитивистская эпистемология может маскировать (и, возможно, всегда это делает) глубокий слой нормативных положений человеческой природе и, в частности, о природе женщин. Многие ученые-феминистки, работающие в этой области, с осторожностью воспринимают сегодня призывы к объективным, свободным от предубеждений исследованиям и универсальной правде. Их настороженность частично обусловлена обнаружением устойчивых предубеждений в дофеминистских научных исследованиях политического поведения женщин; частично оправдана осознанием того, что отсутствие женщин как предмета многих бихевиористских исследований означает, что универсальная правда, предположительно обнаруженная этими исследованиями, является фактически гендерной, т.е. основана на политическом опыте мужчин, а не женщин.

Наконец, феминистские критики философского канона политической теории и эмпирического канона бихевиористской политологии ставят под вопрос нашу концепцию политики, фундамент которой разделен между общественной и личной жизнью. Вместо того чтобы воспринимать этот раскол как факт, феминистки попытались проанализировать его в историческом плане и показать, как его более критическая концептуализация может в значительной мере изменить наше восприятие смысла гражданства и женщин как граждан.

Разоблачение мифа о незаметных, аполитичных женщинах

Многие из теоретических и эмпирических работ 70-х и 80-х годов по проблеме "женщины и политика" стремились сделать женщин заметными фигурами в политической теории и бихевиористских исследованиях и исправить предубеждения прошлых лет; такого рода работа продолжается и сейчас. Исследователи использовали при этом существующие дисциплинарные (а иногда не-гендерные междисциплинарные) установки и подходы для изучения как портрета женщин в работах ведущих теоретиков политологии, так и для описания политического поведения женщин на

уровне элит и простых граждан. Эти ученые пытались рассеять и представления об аполитичности женщин, и идею о том, что роль женщин (и мужчин) в обществе продиктована природой и потому неизменна.

Эта часть литературы о женщинах и политике очень важна, так как демонстрирует значение гендера как аналитической категории в русле традиционного направления политической теории и политической науки. Однако она важна еще и по другой причине. Подвергая женщин и их опыт политическому анализу, применяя к женщинам существующие в данной дисциплине установки и подходы, эти исследования указывают на возможные ограничения и несоответствия в этих установках и подходах. Концентрация внимания на женщинах и их опыте в попытке определить место женщин в общей картине часто выявляет необходимость важных коррекций: женщины не всегда легко и просто вписываются в существующую картину. В некоторых случаях эти исследования выявили, что важный материал остался в стороне и существующая картина оказалась лишь частичным отражением политической реальности; нужна широкоугольная оптика. В других случаях исследования показали, что необходимо композиционно перестроить саму картину, чтобы она вмещала опыт женщин.

Стремясь усложнить знакомый образ общественного мужчины и приватной женщины, специалисты по политической теории по-новому взглянули на развитие современной общественной сферы сквозь историческую оптику политической активности и опыта женщин. Например, Дж. Ландес утверждала, что появление буржуазной общественной сферы во Франции времен Просвещения не может быть адекватно понято без учета огромного социального воздействия салонных женщин при старом режиме. Будучи не просто декорацией при королевском дворе, салон "принадлежал к более широкой городской культуре" и «выделялся своей "светскостью" и космополитическим характером». Являясь ключевыми фигурами в системе "продвижения за заслуги", салонные женщины сыграли решающую роль в социальных сдвигах, вызвавших закат земельной аристократии.

Сделав гендер центральной категорией своего анализа, Ландес обогатила наше понимание классовой борьбы, изменившей лицо Европы XVIII века. Она показала, что идеология женского домоседства была решающей для установления социального господства среднего класса, и современная общественная сфера исторически сложилась через отстранение женщин. Если должным образом принять в расчет положение женщин и их интересы, утверждала Ландес, то "Просвещение начинает выглядеть как контрпросвещение, а революция как контрреволюция". Последствия ее утверждения о том, что гражданин XVIII века был не родовой, а, скорее, гендерной категорией, выглядят весьма серьезно: «[современное] женское движение не может "подчинить себе" общественную сферу, длительное время формировавшуюся в соответствии с интересами мужчин».

Напряженность между политическим равенством и неравенством по признаку пола, обнаруженная Ландес, была использована некоторыми другими теоретиками феминизма, которые старались опровергнуть расхожее мнение об историческом становлении современных демократий. М. Шенли (1989) предприняла аналогичные исследования викторианских дебатов о всеобщем избирательном праве и женском "домоседстве". Шенли выяснила, что политически активные женщины поставили под сомнение способность либерализма XIX века сдержать свои обещания всеобщего равенства. Признавая неудачу большинства викторианских феминисток в попытке оспорить разделение труда в семье по половому признаку и защитить экономическое равенство для трудящихся масс, Шенли обратила наше внимание на то, как они сумели поставить догмы либеральной идеологии на службу широкому спектру прогрессивных целей. В отличие от Ландес, она считает, что современное женское движение может делать то же самое.

Одним из наиболее важных достижений феминисток, интегрировавших гендер в свои работы о происхождении либерального общества, было выявление противоречия между женщинами как полноправными гражданами и женщинами как угнетае-

мым классом. Некоторые ученые утверждали, что это противоречие является движущей силой либерального феминизма, имеющего потенциал радикализации основного направления женского движения [Eisenstein, 1981; Shanley, 1989].

В своей следующей книге Э. Эйзенштейн пришла к заключению, что чем больше американские либеральные феминистки радикализируют свою программу в ответ на бездеятельное государство, которое стремилось по крайней мере с 1980 года урезать наиболее фундаментальные политические требования, выдвинутые основной частью женского движения (например, право на аборт), тем больше будет проявляться противоречие между женщинами как угнетаемым классом и женщинами как гражданами. Короче говоря, либеральные феминистки будут вынуждены признать пределы либерализма [Eisenstein, 1984].

Другие феминистки утверждали, что проблему для либерального феминизма создает его призыв "к бюрократическому аппарату государства и корпоративного мира интегрировать женщин в общественную сферу через программы, ориентированные на рапные возможности и конструктивные меры" [Ferguson, 1984]. Надежды на то, что бюрократическое государство может помочь достижению феминистских целей, питали и критики, прямо противоположные антииерархическому "видению индивидуальной и коллективной жизни" [Ferguson... Elshtain, 1981; Ruddick, 1989; Denhardt, Perkins, 1976].

Многие феминистки озабочены растущей мощью государства, чья возможность контроля за обществом вызывает тревогу. Как считает К. Пейтман, либеральный феминизм вступил в опасный альянс с государством, полагаясь на идею контракта для достижения социального равенства женщин. В эпоху, когда "влияние доктрины контракта проникает в последние, самые интимные уголки общественной жизни", у феминисток есть все основания проявлять беспокойство по поводу "конъюнктурности риторики о правах личности и огромном росте государственной власти". Пейтман отвергает идею о том, что либеральные рассуждения только о правах могут помочь феминистской борьбе за социальное, экономическое и политическое равенство. Статус мнимоавтономного индивидуума, являющегося носителем прав собственности и имеющего право на заключение контракта, говорит она, никогда полностью не распространялся на женщин. Напротив, носитель собственности - это мужская конструкция, исторически утвердившаяся и продолжающая утверждать право собственности мужчин на женщин. Для женщин право на заключение контракта всегда было ограничено их сексуальной подчиненностью мужчинам и экономической зависимостью от них. Утверждая, что "свободный общественный порядок не может быть контрактным порядком", Пейтман призвала феминисток развивать другие формы свободных соглашений, благодаря которым женщины и мужчины могли бы установить политические отношения [Pateman, 1988].

В отличие от скептицизма политических теоретиков-феминисток, полагающих, что женское движение не сможет добиться целей равенства полов в русле традиционного политического направления, многие феминистские политологи-эмпиристы считают, что женщины должны выйти на официальную политическую арену, чтобы добиться равенства. Таким образом, значительный объем эмпирических работ, выполненных специалистами по теме "женщины и политика" в 70-х и 80-х годах, был нацелен на проблемы электоральной политики. В частности, несколько первых книг по этой теме были написаны о женщинах на официальных постах и о партийных активистках [Kirkpatrick, 1974, 1976; Diamond, 1977; Githens, Prestage, 1977]. Другие ранние работы посвящены коллективным усилиям женщин по оказанию влияния на процесс формирования политики [Freeman, 1975].

В самых ранних работах о женщинах в политических элитах исследовалась борьба против почти полного игнорирования женщин в эмпирическом каноне политической науки путем показа присутствия женщин среди официальных лиц и активистов. Так, Дж. Киркпатрик начала заключительную часть своего пионерского исследования о 50 женщинах, членах законодательных органов штатов в начале 70-х годов

следующим заявлением: "Наиболее важным результатом данного исследования является тот факт, что женщина-политик существует". Возражая против образа женщины как аполитичного существа, по природе своей отличного от мужчины, она пошла дальше. Женщины-политики, полагала она, во многих отношениях похожи на политиков-мужчин, в частности в том, что касается их социального происхождения и психологических характеристик. Однако чтобы успокоить тех, кто » то время полагал, что любая женщина, похожая на политика-мужчину, не может быть "нормальной", Киркпатрик пояснила: «... "женщина-политик" незначительно отличается от других женщин. Необязательно она "мужеподобна" внешне или по своим манерам; необязательно она отказывается от традиционных женских ролевых функций и интересов. Совсем наоборот. Политики-женщины... [почти все] являются женами, и матерями... Хорошо ухоженные, с хорошими манерами, пристойные в речах и поведении, таковы "женственные" женщины в традиционном секс-стереотипном смысле этого слова».

Если рассматривать книгу Киркпатрик с точки зрения 90-х годов, то она, как и другие ранние эмпирические работы по исследуемой теме, выглядит осторожной, консервативной и масштабно ограниченной. Однако в историческом контексте 70-х годов совершенно очевиден ее бунтарский характер.

Специалисты по теме "женщины и политика" пытались сделать женщин-политиков заметными не только как индивидуумов, но и как организованную, коллективную политическую силу. Работая в традиционных рамках своей дисциплины, эти ученые подвергли анализу как феминистские, так и антифеминистские движения, их успехи и неудачи в попытках оказать влияние на результаты публичной политики (Freeman; Costain, 1980, 1982; Gelb, Palley, 1982; Gelb, 1989; Boles, 1979; Mansbridge, 1986; Mathews, Hart de, 1990; Klatch, 1987).

Исследования 70-х и 80-х годов показали, что женщины в такой же или почти такой же степени, как мужчины, склонны к политической деятельности. Причем в той мере, в какой изменялась социализация женщин, возможности и доступные им роли, в такой же степени изменялось их политическое поведение. Точно так же выявили и влияние образования, обнаружив, что рост образованности ведет к росту участия женщин в политической жизни и к более высокому уровню политического интереса [Sapiro, 1983; Hansen *et al*, 1976; Welch, 1977; Baxter, Lansing, 1980; Pool, Zeigler, 1985]. Выяснилось, что работа вне дома также связана с вовлеченностью женщин в обычные формы политической активности. Работающие женщины активны в той же мере, что и мужчины, а те из них, кто полностью занят домашней работой, участвуют в политике в значительно меньшей степени [Andersen, 1975; Welch, 1977]. Наконец, исследования показали, что наличие детей имело обратное влияние как на политическую активность, так и на различные политические ориентации [Sapiro, 1983; Jennings, Niemi, 1981]. Таким образом, немногие существующие различия между мужчинами и женщинами в политических ориентациях и в участии вполне могут исчезнуть по мере изменения ролевых функций женщин и их социализации в этих ролях.

Упор на социализацию гендерной роли и эффект гендерных ролей при объяснении, почему у мало женщин занимают государственные выборные должности, доминировал в литературе, где рассматривались и другие политически активные женщины. М. Ли изучала факторы, которые удерживали женщин, активно проявивших себя в своих общинах, от выдвижения на должность. Помимо боязни дискриминации по признаку пола, двумя другими факторами были их обязанности по уходу за маленькими детьми (фактор, который удерживает лишь немногих мужчин) и их представление о подходящих и неподходящих ролях для женщин: большинство рассматривало пребывание на государственных должностях как неподходящее занятие для женщины [Lee, 1976]. Обследование женщин, занимавших официальные должности, также показало сдерживающий эффект гендерных ролей и социализации гендерной роли [Diamond, 1977; Stoper, 1977; Mandel, 1981]. Например, Киркпатрик указала, что традиционные взгляды на роль пола были главными ограничениями, мешавшими женщинам

претендовать на должность. Она отметила, что женщины-законодатели в ее исследовании были замечательными личностями именно потому, что им удалось совместить свою политическую жизнь с традиционными ролями. Она задалась вопросом: "Если одни женщины смогли это сделать, то почему другие не сумели / не сделали? Возможно, потому, что им не хватает высокой самооценки и широких взглядов, навыков участия, желания влиять на государственную политику и политического мастерства для этого, сговорчивого мужа, сопереживания, гибкости, самопознания и энергии, необходимых для того, чтобы жить интенсивной и трудной жизнью, в то время как уже имеются в наличии готовые и гораздо менее требовательные альтернативы" [Kirkpatrick, 1974].

Приведенный отрывок подразумевает, что сами женщины должны изменить свою жизнь, чтобы расширить представительство женщин в государственных органах. Прослеживая эту тенденцию в феминистской литературе, Б. Кэрролл писала: «Все еще наблюдается значительное внимание к социализации секс-роли с ее неявной тенденцией "обвинить жертву" (или ее мать) и перенести на женщин тяжесть изменения гендерных ролей, не меняя системы, которая нуждается в существующих моделях секс-роли, вознаграждает тех, кто смирился с ней, и наказывает тех, кто бросает ей вызов» [Carroll, 1979].

То ли в ответ на это замечание Кэрролл и других, то ли по другим причинам, смена акцентов произошла в 80-х годах в литературе по политическим элитам, и особенно в материалах, касающихся вопроса о том, почему женщин мало среди государственных должностных лиц. Многие исследователи перестали изучать, как социализация гендерной роли и гендерные роли удерживали женщин от стремления быть похожими на "политических мужчин", занимающих выборные государственные посты. Вместо этого они полностью переключились на функционирование самой политической системы, как на фактор, объясняющий малочисленность женщин среди государственных должностных лиц [Carroll, 1985; Darcy *et al.*, 1987].

Эти исследователи показали, что способность должностных лиц длительное время сохранять свои места и отсутствие свободных мест, которые женщины могли бы получить в итоге выборов, являются для них основными препятствиями в США и других странах [Andersen, Thorson, 1984; Darcy... Carroll, 1985; Studlar *et al.*, 1988]. Электоральные системы также очень важны [Rule, Zimmerman, 1992; Welch, Studlar, 1990]. В США на уровне законодательного собрания штата женщины баллотируются пропорционально больше в многомандатных, а не в одномандатных округах, и те женщины, которые избираются в многомандатных округах, получают больший процент голосов, нежели те, которые баллотируются в одномандатных [Darcy... Carroll, 1985, Rule, 1990]. Более того, когда штаты переходят от многомандатных к одномандатным округам, как это сделали несколько штатов за последние 30 лет, пропорции женщин, баллотировавшихся и выигравших, снижаются по сравнению с национальными тенденциями [Darcy...]. Хотя различия в электоральных системах, вероятно, менее важны на муниципальном уровне, есть, однако, свидетельства, что результаты женщин немного выше там, где города проводят выборы не по округам, а в целом по городу [Darcy... MacManus, Bullock, 1989; Welch, Karnig, 1979].

Сравнительные исследования показали, что представительство женщин в национальных законодательных органах выше в странах с пропорциональным представительством, особенно там, где применяются партийные списки, нежели в таких странах, как США, где депутаты избираются на основе мажоритарного принципа [Randall, 1987; Rule, 1981; Norris, 1985; Lovenduski, 1986; Haavio-Mannila *et al.*, 1985]. Установление и применение квот для женщин в партийных списках кандидатов на выборы в некоторых европейских политических партиях еще больше повысило уровень представленности женщин в этих странах [Dahlerup, 1988; Kolinsky, 1991; Phillips, 1991].

Эмпирические исследования поведения женщин на уровне масс и элит также выдвинули ряд требований к тому, *что* мы изучаем как политологи и *как* мы это

изучаем, поскольку они привлекли внимание к ранее не изучавшимся переменным, а также в связи с утверждением, что в ряде случаев необходимы специфически гендерные модели для лучшего объяснения политического поведения. Эмпирические исследования взаимоотношений женщин и политики уделили значительное внимание тому, как так называемая частная жизнь женщины, особенно их семейные обязанности и привязанность к мужу и детям воздействуют на поведение и ограничивают их.

Полагая в целом, что связанные с семьей факторы более важны для женщин, чем для мужчин, некоторые исследователи сделали еще одно важное открытие - у мужчин тоже есть семья! И похоже, что эта семья оказывает значительное влияние и на их поведение. Например, Д. Блэр и А. Хенри обнаружили, что семейные проблемы являются основными факторами, ведущими к отставке как мужчин, так и женщин, работающих в законодательных органах штатов; предыдущие исследования относили высокую текучесть кадров преимущественно за счет низкой зарплаты [Blair, Henry, 1981].

Разумеется, что размышления, доводы и аргументы при принятии решения различны для женщин и мужчин. Так, Л. и С. Беннетты (1989) пришли к заключению, что "...причины, направляющие женщин в кабину для голосования, для мужчин совсем другие. В то время как мотивы мужчин связаны в большей степени с интересом и предпочтением, у женщин решающая роль принадлежит возрасту и социально-экономическим стандартам (SES). Важнейшая политическая установка, определяющая поведение женщин, - это гражданский долг. Короче, если мужчины участвовали в выборах в 1984 году главным образом потому, что они были заинтересованы до такой степени, что политические настроения учитывались в их электоральных расчетах, то женщины шли голосовать из чувства долга".

Пожалуй, дальше всех в разработке аргументов о различиях между женским и мужским политическим поведением и механизмами принятия решений пошла Я. ван дер Рос. Она предложила, чтобы специфически гендерные объясняющие модели были использованы по мере необходимости в бихевиористских исследованиях, и сделала первые шаги в разработке таких моделей [Ros van der, 1987].

Не все исследователи проблемы согласны с высказанным пожеланием создать специальные гендерные модели политического поведения. Некоторые предпочли бы развивать негендерные модели, которые охватывали бы все человеческое поведение. Другие склонны пойти в направлении большей исторической, культурной и ситуационной специализации в изучении политического поведения. Но особенно важны те исследования, где говорится о необходимости специальных гендерных моделей политического поведения, поскольку они подвергают сомнению универсальность нынешнего знания, обнаруживая его корни в мужском опыте. Хотя исследователи феминизма могут расходиться во мнении относительно желательности универсалий, они, скорее всего, согласятся, что нынешнее эмпирическое знание неадекватно отражает опыт женщин.

Пересмотр традиционных стереотипов и подходов

За последние годы многие исследователи темы "женщины и политика" и теоретики феминизма проделали работу, которая оспаривает преобладающие стереотипы и подходы, имеющиеся в политической науке. Зачастую под влиянием междисциплинарных перспектив исследований женской проблематики эти ученые задавали новые вопросы и применяли новые стереотипы при изучении гендера и политики. Их работы показывают, что мы нуждаемся в переосмыслении и пересмотре концепций различных подходов, исходных положений и установок, образующих ядро данной науки.

Эмпирически ориентированные политологи-феминистки бросили вызов традиционным дефинициям в политике, освоив такой подход к своим исследованиям, при котором перспективы анализа женщин и их опыта переносятся в центр их внимания. Изучая решения женщин, работающих в законодательных органах штатов, балло-

тироваться на должность. Кэрролл не нашла доказательств разрыва между общественным и личным в жизни этих женщин и предположила, что мы нуждаемся в новой концептуализации. Обнаружив, что предпочтения в личной жизни сказались на общественной карьере и наоборот, Кэрролл пришла к заключению: "Дуалистичная концепция общественного и личного как преимущественно разделенных и взаимоисключающих сфер существования не дает адекватного отображения реалий жизни этих женщин; скорее, общественное и личное в жизни женщин-должностных лиц выглядят как холистичная система взаимосвязанных социальных отношений, где каждый предпринятый поступок или сделанный выбор имеют последствия для всей системы" [Carroll, 1989].

Хотя и не вполне отчетливо сфокусировав свое внимание на взаимоотношении между общественным и личным, ряд других исследователей усомнились в доминирующих в политике концепциях, используя перспективы женщин как исходную точку своего анализа политики. Одной из них была Д. Фолкс, которая опросила 27 белых женщин-активисток с различным политическим опытом. Фолкс признала, что ее целью было "не подвергать сомнению теорию, а отобразить и объяснить в этом исследовании политический мир различных белых женщин" и что выводы, сделанные в результате опроса, "имели целью объяснить различный смысл, который эти женщины придают своим политическим мирам, и различной динамики, формирующей их политическую деятельность". В своем исследовании Фолкс позволила женщинам в открытой форме высказаться о том, как они истолковывают слово "политический". Способы, которыми эти активистки определяют политику, были весьма разнообразны и красочны. Некоторые считали политикой то же самое, что и политологи, т.е. работу на кандидатов, претендующих на выборную государственную должность, пребывание в должности, управление или защиту каких-либо интересов. Другие, однако, рассматривали политику таким образом, что вырисовывалась более широкая или даже альтернативная концепция политики - как связующего звена между личной и общественной сферами, как проявление власти для осуществления перемен и как проведение изменений через их повседневную жизнь.

Поскольку концепции большинства женщин-активисток тем или иным образом затрагивали тему власти, Фолкс отметила, что темы образования и пробуждения сознания, реже рассматриваемые современными политологами как часть политики, также идут вразрез с их концепциями политики. Позволяя женщинам высказываться с собственных позиций и в рамках их представлений, Фолкс наводит на мысль, что дисциплина политической науки должна расширить свою концепцию политики, если она намерена охватить то, что опрошенные женщины относят к политике.

Как и Фолкс, С. Энлоу также использует представления женщин как отправную точку переосмысления политики - в данном случае международной.

Подобно Кэрролл. Фолкс и Энлоу. взяв за исходную точку своего анализа опыт женщин, но придерживаясь в большей степени исторического подхода, считают, что нам надо переосмыслить и заново концептуализировать наш взгляд на политику. Многое из того, что женщины сделали в истории, рассматривалось как "филантропия", или "услуга", или "хулиганство", но редко воспринималось как политика [Lebsock. 1990]. В значительной степени это явилось результатом раскола на общественное/личное; деятельность мужчин рассматривалась как общественная, тогда как у женщин это было продолжением их домашних ролей. М. Нортона описала трансформацию истории женщин, когда ученые впервые приняли "мужское определение политики", явно связанное с расколом на общественное/личное. Историки, внимательно изучавшие опыт женщин, быстро обнаружили, что это определение слишком узко для охвата политической деятельности женщин. Как пояснила Нортона: «Используя интуитивный лозунг феминистского движения "личное - это политическое", историки феминизма расширили содержание категории "политика", чтобы она охватывала попытки женщин установить контроль над своей собственной жизнью - как внутри, так и вне брака - и иметь возможность влиять на общество, в котором они живут»

[Norton, 1986]. Наряду с этим пересмотром определения "политический", историки феминизма обратили внимание на участие женщин, помимо другой деятельности, в добровольных ассоциациях, движениях трезвости, женских клубах, в движении за социальное согласие и в профсоюзном движении (Norton: Lebsack). Политологи могли бы также обратиться к опыту своих коллег историков как к руководству при создании широкой концепции политики, включающей гендер.

Помимо вызова, брошенного политологам за их традиционный подход к политике, в недавних эмпирических работах по теме "женщины и политика" "гендер" стали использоваться как аналитическую категорию для изучения политических структур и процессов. Это сравнительно новое достижение, поскольку ранее "гендер" широко использовался как аналитическая категория только для исследования поведения отдельных лиц. Вероятно, наилучшим примером использования гендерного анализа для исследования политических структур и процессов могут служить работы по процессу формирования государства благосостояния [Gordon, 1990; Sarvasy, 1992; Nelson, 1990; Diamond, 1983]. Эти исследования показали, что государство благосостояния в США развивалось явно гендерным путем [Nelson, 1990; Jenson, 1990]. Это развитие шло по двум каналам: один сложился благодаря активизации помощи матерям, которая предоставлялась неработающим матерям, потерявшим мужей, а другой оформился в результате системы компенсаций работникам-мужчинам, потерявшим работу из-за трудовых увечий [Nelson, 1990]. Стало ясно также, что государство благосостояния увеличивает неравенство, обусловленное гендером, расой и классом, хотя одновременно оно предоставляет материальную помощь нуждающимся [Mink, 1990]. Государство благосостояния часто изображают патерналистским, как средство осуществления социального контроля над женщинами. Однако некоторые утверждают, что оно также создает политический ресурс, который делает женщин более защищенными и менее бессильными [Piven, 1990]. В любом случае ясно, что новое феминистское направление в изучении государства благосостояния заставило политологов серьезнее задуматься над ролью, которую сыграл гендер в его развитии и функционировании.

Последние исследования электорального поведения женщин вообще и женщин на выборных государственных постах, зачастую использовавших бихевиористские методологии, традиционно применяемые для изучения голосования и должностного поведения, показали, что они бросили новый вызов этой отрасли науки. В то время как многие из ранних эмпирических исследований по нашей теме опровергали имидж женщин, отличающихся от мужчин, и старались убедить политологов в том, что женщины и мужчины во многих отношениях одинаковы с политической точки зрения, новые исследования заставили политологов снова задуматься о гендерных различиях. В отличие от своего прежнего образа, новая инкарнация гендерных различий обычно расценивается как достоинство, а не как порок: женщины рассматриваются как открыватели новых перспектив в политике.

Например, ученые, которые изучали так называемый гендерный разрыв в электоральном поведении и общественном мнении, часто приписывали этот факт различиям в ценностях и приоритетах женщин и мужчин [Conover, 1988; Francovic, 1982; Shapiro, Mahajan, 1986; Klein, 1985; Norris; Mueller, 1988]. Хотя они разошлись во мнении по вопросу, является ли гендерный разрыв следствием большего пацифизма женщин, сочувствия нуждающимся, воспитания, феминизма, привязанности к государству благоденствия и т.п., в целом исследователи-феминистки согласились, что гендерный разрыв является проявлением явно не одинаковых перспектив для женщин и мужчин [Carroll, 1988]. Аналогично изучение поведения женщин, занимающих официальные должности, обнаружило, что для этих женщин наиболее приоритетными оказываются так называемые женские проблемы, а также вопросы, связанные с традиционной ролью женщины как лица, проявляющего заботу о членах семьи и общества в целом [Dodson, Carroll, 1991; Carroll *et al.*, 1991; Thomas, Welch, 1991].

Авторы этих исследований предположили, что большая вовлеченность женщин в такую деятельность, как репродуктивные права, насилие над женщинами, уход за детьми, здравоохранение, благополучие детей и образование, отражает различия в опыте и перспективах, которые сохраняются у женщин и при вступлении в должность. Более того, влияние этого различия на процесс формирования политики позитивно и повышает общее качество их работы [Dodson...].

Эмпирически ориентированные политологи выяснили, что женщины - и как избиратели, и как должностные лица в политической сфере (в настоящее время там недостаточно представлены) - оказались в большой степени подвержены влиянию трудов теоретиков так называемого гендерного различия [Chodorow, 1978; Gilligan, 1982; Ruddick]. Так, работа К. Гиллиган по гендерному различию в моральных аспектах оказалась особенно важной для многих феминистских политологов. Используя достижения в области теории морали самых разных ученых - от Фрейда до Кольберга, - Гиллиган оспорила утверждение о том, что женщины достигают невысокого уровня морального развития, при котором "доброта ассоциируется с оказанием помощи и угождением другим", и поэтому у женщин пониженное чувство справедливости (т.е. способность выносить беспристрастное суждение в соответствии с набором универсальных правил). Довольно любопытно, отметила Гиллиган, что «те самые черты, которые традиционно характеризовали "доброту" женщин, т.е. их заботу и чуткость к нуждам других, оказались именно тем, за что женщин считают морально недоразвитыми».

Она ссылается на работу Н. Ходоров (1978), чтобы доказать, что гендерные различия в моральных суждениях коренятся не в биологии, а, скорее, в детском воспитании, особенно в контрастирующих отношениях, складывающихся у мальчиков и девочек с самого раннего детства под влиянием матери. Абстрактные правила, формирующие моральные суждения мужчин, утверждает Гиллиган, отражают завершение становления мужской личности через радикальное отделение от матери и поддержание жестких границ своего *эго*. Ситуативные принципы, определяющие моральные суждения женщин, - итог развития женской личности через гораздо менее радикальные формы отделения от матери и поддержание эмпатических отношений с другими.

"Когда приступают к изучению женщин и извлекают из их жизненного опыта формулу развития, то начинают появляться очертания моральной концепции, отличной от тех, которые описаны Фрейдом, Пияже и Кольбергом, и вдохновляющей на другое истолкование развития. В этой концепции моральная проблема возникает чаще из конфликта обязательств, а не из конкуренции прав, и она требует для своего разрешения образ мышления, который носит, скорее, контекстуальный и описательный, а не формальный и абстрактный характер. Эта концепция морали, связанная с проявлением заботы, фокусирует моральное развитие на понимании ответственности и взаимосвязей, тогда как концепция морали как честности привязывает моральное развитие к пониманию прав и правил" [Gilligan].

Довод о том, что у женщин другое ощущение морали, основанное на восприятии повседневной жизни и паутины человеческих связей [Miller, 1976; Gilligan; Belenky *et al.*, 1986], оказал глубокое воздействие на работы многих теоретиков феминизма, которые оспаривают широкий спектр абстрактных моделей в социальных науках. С. Руддик писала: "Учитывая важное значение абстракции в академической жизни, конкретность может превратиться в назойливое требование смотреть, говорить и задавать бесцеремонные вопросы" [Ruddick].

Она утверждает, что "абстракция - это ось милитаристского мышления". Как и ряд других феминисток, работающих в области исследований проблем мира, она считает, что реализм в понимании интеллектуалов-оборонщиков уходит корнями в универсальные правила поведения человека, которые предполагают, что "народы и нации, если они могут, всегда стремятся господствовать и эксплуатировать тех, кто слабее" [Ruddick; Elchtain, 1987; Cohn, 1987; Enloe, 1989]. Аналогично рассуждала

и Д. Эльштайн, говоря, что реалистичная модель "профессионального обсуждения международных отношений" концентрирует внимание исключительно на абстрактных понятиях, называемых государствами, и игнорирует наиболее материалистические факты человеческой жизни: "В этом искусственно сконструированном мире никогда не рождалось никаких детей и никто никогда не умирал. Есть государства, и только они существуют".

Как Эльштайн, так и Руддик утверждают, что опыт женщин и особенно материнский опыт создают основу для политического сопротивления авторитарным режимам и для борьбы за мир в демократических странах. Каждая из них настаивает на том, что роль женщины в поддержании жизни - жизненно важная модель гражданского участия, способствующая "вовлеченности себя и других" [Ruddick]. Например, знаменитое сопротивление матерей Аргентины (*Madres of Argentina*) заставляет нас переосмыслить обычные представления о политике мира и не в последнюю очередь о женственности: «Через свой протест эти женщины реализуют традиционные ожидания женственности и в то же время нарушают их... Женщины, которые выносят на площади полицейского государства фотографии своих любимых, как и женщины, которые бросают на колючую проволоку военных баз подушки, игрушки и другие артефакты своих привязанностей, переводят символы материнства на язык политических выступлений. Охраняющая любовь, своеобразие связи, обещание рождения и непоколебимость надежды, неумолимая ценность хрупкого телесного бытия - эти клише материнского труда использованы на публике... Они говорят на "женском языке" верности, любви и произвола; но они говорят с гражданским гневом, в общественном месте и так, как никогда не предполагали» [Ruddick].

Вполне понятно, не все феминистки полностью согласны с моделью "материалистского мышления", или социального феминизма, разработанного Руддик и Эльштайн, и относятся к ней весьма критически. Оживленные феминистские дискуссии по поводу гендерных различий отражали скептицизм некоторых критиков в отношении любых усилий пересмотреть традиционную роль женщин в семье. М. Дитц отметила, что материалистское мышление не только переоценивает материнство и интимные отношения родства, но также обесценивает отношения среди полностью незнакомых людей или просто знакомых, которые составляют саму основу крупных репрезентативных демократий. Хорошая мать не обязательно формирует хорошего гражданина и "связь между гражданами отличается от любви между матерью и ребенком" [Ferguson; Dietz, 1985].

Возможно, наиболее труден для ученых-феминисток поиск уравновешенной позиции в отношении того, как учесть и оценить опыт женщин и при этом не воспроизвести социально окрашенные гендерные роли. Многие ученые все еще озабочены тем, что пока гендерные различия имеют социальную значимость, усилия феминисток принизить эти различия не пойдут им на пользу. Феминистское учение ясно показало, как идея о том, что "все мы просто народ", переведенная на язык политологии, не говоря уже о социальной практике, означает "мы все просто мужчины". Как отметила С. Оукин, нейтральный к гендеру язык в современной политической теории затушевывает материальную реальность неравенства по признаку пола и воспроизводит "теории справедливости, [которые], как и в прошлом, относятся к мужчинам, чьи жены сидят дома" [Okin, 1989].

Подобно Руддик, Гиллиган и Эльштайн, Оукин настроена критически к теориям справедливости, которые предлагают «несколько абстрактный "взгляд из ниоткуда"». Однако, как и Дитц, она не может согласиться с доводом, что «"справедливость" и "права" являются категориями мужского восприятия морали, которого феминистки должны избегать или радикально пересмотреть, защищая мораль, основанную на заботе [о ближнем. - Перев.]». В одном случае свидетельство о том, что женщины пользуются другим способом морального обоснования, в лучшем случае спорно; в другом - феминистки, заявляющие о подобных претензиях, несмотря на все опровержения,

рискует быть втянутыми в игру со знакомыми "стереотипами, оправдывающими отдельные сферы" [Okin, 1989].

Теоретик и области права М. Минноу так представляет себе рассматриваемую нами проблему: "Как чрезмерное внимание, так и игнорирование различия связаны с риском его воссоздания. В этом дилемма различия" [Minnow, 1984]. Преодолеть "дилемму различия" было особенно сложно в области феминистских исследований права [MacKinnon, 1987; Eisenstein, 1988; Bower, 1991]. В очерке об иске в связи с дискриминацией, предъявленном Советом по равным возможностям при найме (Equal Employment Opportunity Council) в 1978 году концерну "Сирс и Робак" (Sears Roebuck & Co), историк Дж. Скотт с пользой для дела так кратко характеризует головоломку "равенство-против-различия": "Когда различие и равенство сводятся в дихотомию, они образуют структуру без выбора. Если предпочтение отдается различию, то тем самым признается, что равенство недостижимо... Тогда как мы можем признать и применить понятия различия по признаку пола и вместе с тем выступать за равенство? Единственным ответом может быть двойной подход: разоблачение властных отношений, созданных представлениями о равенстве как антитезе различию, следует сочетать с отказом от вытекающей отсюда дихотомией конструкции политических предпочтений" [Scott, 1988].

Это трудная задача для ученых-феминисток. Однако Скотт считает: для того, чтобы избежать представления о мужественности и женственности как неизменных сущностях, феминистки должны задать вопрос: "Как были созданы различия в специфическом социальном, историческом и дискурсивном контексте?" [Scott].

Мысль Скотт о том, что "властные отношения" кроются в противопоставлении различий равенству, была энергично оспорена феминистским теоретиком права К. Маккиннон, которая призвала к "смещению перспективы от гендера как различия к гендеру как господству" [MacKinnon]. Согласно ее утверждению, то, что принимают за отличие женщин от мужчин, на самом деле является различием, созданным благодаря социальному, политическому и экономическому подчинению женщин мужчинам. Различия по принципу пола лежат в основе неравных властных отношений между женщинами и мужчинами, разрушение которых феминистками не является делом утверждения морального превосходства женщин, скорее, это дело политики. Наряду со Скотт, Маккиннон настаивает на том, что феминистки должны бросить вызов идее, согласно которой различие между женщинами и мужчинами является фундаментальным социальным различием, и им (феминисткам) надо отказаться от выбора между различием и сходством: "Определять реальность пола как различие, а гарантом равенства считать сходство, неверно в обоих случаях. Пол по природе не является биполярностью; это континуум, непрерывность. В обществе его превратили в биполярность. После того, как это было сделано, требовать, чтобы кто-то был таким же, как те, кто установил определенный стандарт, те, кто стал иным в социальном отношении, - попросту означает, что равенство полов концептуально оформлено так, что его никогда не удастся добиться. Те, кто больше всех нуждается в равноправном к себе отношении, будут менее всего похожи в социальном плане (например, бедные женщины) на тех, чье положение задает стандарт, по которому право на равенство будет оцениваться" [MacKinnon].

Так называемое "равенство полов", согласно Маккиннон, является оксюмороном, [бессмыслицей. - *Ред.*]. Быть выделенной по половому признаку означает быть женщиной (точнее, *wo-man*), а быть женщиной - быть неравной. До тех пор, пока различие не ставится под вопрос, социальное равенство женщин остается невозможным.

Единственным выходом из дилеммы различия, говорят эти критики, является отказ от различия по признаку пола (мужчина против женщины) и утверждение на его месте того, что Эйзенштейн определила как "плюрализм различий между женщинами" [Eisenstein, 1988].

Она призывает к гораздо более сложному подходу к самой категории женщины и различия между ними и мужчинами, чем тот, который предлагался до сих пор и научной литературе по исследуемой теме. Фактически она призвала феминисток поставить под вопрос те самые термины, которые они используют в своей работе, поскольку эти термины имеют свойство воспроизводить как раз то, что феминистки намерены критиковать: неравенство между полами. Если кто-то является женщиной, то это еще не полная характеристика этой личности. Другие ее черты, например расовая и классовая принадлежность, определяют то, что испытывает эта личность, будучи женщиной, и, самое главное, как она в этом качестве воспринимается другими. Афроамериканские и белые женщины по-разному воспринимаются (и воспринимались) как "женщины" [Hooks, 1981; Spelman, 1988]. Женщины из рабочего класса воспринимаются (и воспринимались) как "женщины" по-иному, нежели неработающие представительницы среднего класса [Riley, 1988; Zerilli, 1993].

Другая проблема для ученых-феминисток, которые хотят развить гендерно ориентированный подход к политике, но настоятельно воспринимают утверждения относительно "отличия женщин", состоит в том, как подвести теоретическую базу под "жизненный опыт женщин". Н. Хартсок хотела разработать эпистемологию и теорию власти, которая учитывала бы гендерные различия, но без их универсализации [Hartsock, 1985].

Преимущество ее подхода в том, что становится понятным не только то, как опыт женщин формирует их политическое сознание, но и как политическое сознание определяет их опыт как женщин. Тем самым это приводит к вопросу: как феминистская идентичность социально формируется и радикально переоценивается в ходе политической деятельности? Вместо того чтобы воспринимать "опыт женщин" в качестве постоянной и унифицированной категории, она призвала к политическому анализу того, как опыт "пребывания женщиной" получает смысл в политической практике феминизма и через нее.

Мы говорили о том, что настоящей проблемой для ученых-феминисток было разработать альтернативные теоретические и эмпирические модели, которые учли бы опыт и перспективы женщин, но при этом избежали бы как воспроизведения социально обусловленных гендерных различий, так и затушевывания социальной разнородности женщин. По этим причинам в работах некоторых ученых-феминисток категория "женщины" была поставлена под вопрос.

Чтобы оспорить статус женщин как незаметных, аполитичных (ущербных) или просто отличных от мужчин существ, было необходимо позволить им поднять свой голос "как женщинам" в общественной жизни и политической практике. Э. Спелман писала: "Феминистки уже давно осознавали те уровни, на которых были задействованы мужские привилегии, чтобы убрать с глаз долой жизнь женщин и их перспективы... Тем не менее наше дистанцирование от точки зрения откровенных сексистов мешает нам осознать, в какой степени мы фактически разделяем некоторые элементы их взглядов" [Spelman]. Другими словами, в исследованиях феминисток также есть слабая сторона, состоящая в игнорировании других категорий социальных различий (например класс, раса, сексуальная ориентация) при использовании категории "женщины", как если бы она включала в себя опыт всех женщин. Это, отмечала Спелман, приводит нас к парадоксу в самой сути феминизма: "Любая попытка говорить обо всех женщинах на основе чего-то общего для нас сужает возможности обсуждать наши различия и наоборот. Существует ли возможность придать общим чертам женщин их полновесный смысл, не полагая тем самым, что различия между нами менее значимы? Как сможем мы описать те черты, которые дифференцируют женщин, не затеяв того, что есть у нас общего?".

На наш взгляд, Спелман очень точно сформулировала ключевую дилемму, стоящую перед феминистской политологией сегодня. Хотя феминистские ученые сделали большие успехи, мало кто усомнится в том, что многое еще предстоит сделать. Может ли быть завершена эта работа, если мы будем считать различия между женщинами

столь же значительными, как и их общие черты? Как можно сделать женщин более заметными, не говоря уже о ломке тех стереотипов, которые делают их неприметными, если чрезмерно усложнять термин "женщины", обеспечивающий возможность реализации феминистского проекта?

Само собой разумеется, простых ответов на эти вопросы не существует, несмотря на то, что они. по нашему мнению, относятся к числу наиболее важных, стоящих в начале 90-х годов перед феминистками-политологами и учеными во всех областях науки.

Первая причина, почему феминистки правы, пытаясь проникнуть в суть категории (женщины), которая, на первый взгляд, является теоретическим фундаментом их собственных исследований, связана с пониманием сущности вопроса "что общего у женщин как женщин?". Б. Хукс так представляет себе смысл этой фразы: «Центральным принципом современной феминистской мысли было утверждение, что "все женщины подвергаются угнетению". Это утверждение подразумевает, что у женщин, невзирая на такие факторы, как класс, раса, религия, сексуальные предпочтения и т.д. - общая доля, и нет различий, которые определяют, в какой степени сексизм окажется угнетающей силой в жизни отдельных женщин. Сексизм как система господства институционализирован, но он никогда не определял в абсолютной форме судьбу всех женщин в этом обществе» [Hooks, 1984].

Эта идеология "общего угнетения", отмечает Хукс, основана на "одномерной перспективе женской реальности" - перспективе белой, гетеросексуальной, принадлежащей к среднему классу женщины. Когда феминистки используют такие фразы, как "угнетение женщин", "опыт женщин" и "различия между женщинами", они "объединяют условия одной группы женщин с условиями всех женщин и... относятся к различиям среди женщин среднего класса как к несуществующим" [Spelman]. Термин "женщины", таким образом, стирает разнообразие предполагаемой референтной группы; его подлинная референтная группа является гораздо более парциальной социальной реальностью.

Даже когда феминистки пытаются учесть разнообразие женщин, включая в свой анализ такие факторы, как раса и класс, они не в состоянии подробно осветить проблему категории женщин. Если к гендеру (по утверждению феминисток) нельзя подходить просто как к одной из переменных величин, то точно так же нельзя относиться к расе и классу. Так же, как феминистки показали, что применение гендера в качестве аналитической категории исследований означает пересмотр традиционных стереотипов политологии, такие критики, как Спелман (1988), Хукс (1984), Э. Хиггинботам (1992), П. Коллинс (1989) и Дж. Мальво (1990). утверждали, что использование расы и класса в качестве аналитических категорий феминистской теории заставляет пересмотреть существующие стереотипы феминизма.

Для некоторых политических теоретиков-феминисток этот пересмотр повлек за собой разработку новых стратегий исследования исторических и современных свидетельств различия, по признаку пола, которые изучают актуальные отношения социальных субъектов с социосимволическими конфигурациями мужественности и женственности [Brown; Lorraine, 1990; Stefanodi, 1991; Zerilli, 1991; 1993]. Как писала К. ди Стефано, «к гендеру надо подходить одновременно как к "реальному" и "ложному", т.е. как к комплексу проявлений, которые в сочетании и противостоянии с другими проявлениями [например расы и класса] создают мир установившихся, но все же нестабильных значений, отношений и сущностей, которые одновременно производят и проявляют насилие в отношении специфических субъектов в специфической манере». Задача феминисток, продолжает она, состоит в том, чтобы разорвать культурные проявления несоразмерного различия полов, организующего мир "как если бы" женщины находились в подчинении у "мужчины" (но также и противостояли ему) [Stefano di], и, добавим мы, "как если бы" это отношение было не только неизменным, но также социально более значимым, чем расовые и классовые отношения,

Нестабильность категории "женщины" и натурализованного различия полов, как это было показано в работах теоретиков феминизма, имеет важные последствия не только для теоретиков политики, но также для эмпирически настроенных политологов. Хотя эти последствия будут более определенными по мере того как в ближайшие несколько лет завершатся дебаты вокруг категории "женщины", мы можем высказать некоторые предварительные соображения с удобной позиции начала 90-х годов.

Работы теоретиков феминизма дают основания предположить, что в 90-х годах исследователи более осторожны и самокритичны относительно использования категории "женщины", чем это было в прошлом. Большинство эмпирических работ по женщинам и гендеру (или даже те, которые включали пол как контрольную переменную величину) предполагали, что категория "женщины" имеет неотъемлемый политический смысл, что существует нечто политически значимое, проще говоря, "интересы" [Sapiro, 1981], которые разделяются всеми женщинами. Большинство эмпирических исследователей полагают, что статистически отслеживая такие показатели, как раса, возраст, доходы и образование, они могут выделить и измерить влияние гендера. Однако применение только статистического контроля для выделения эффекта гендера недостаточно для решения проблемы категории "женщины" так, как ее поставили теоретики феминизма. Вернее, феминистки, которые изучали категорию "женщины", задались вопросом, существует ли вообще этот гендерный эффект, свободный от влияния других тесно взаимосвязанных переменных, существуют ли какая-либо общность, какая-то сущность или просто какие-то интересы, которые разделяют все женщины, после того как приняты во внимание все различия в их расе, возрасте, образовании, доходах и т.п. Вместо этого они полагают, что раса, класс и гендер, например, так тесно переплетены, что работают вместе и определяют идентичность (т.е. в данном случае их политическую идентичность). Женщины существуют в историческом и культурном контексте, и устранение или игнорирование этого контекста затушевывало бы важные различия между женщинами.

Что все это означает для тех, кто занят эмпирическими исследованиями? Во-первых, что нам следовало бы меньше уделять внимания сравнению женщин с мужчинами и больше изучать политическое поведение разных подгрупп женщин в различных ситуациях. Если мы серьезно отнесемся к критике категории "женщины", наше исследование, вероятно, станет более привязанным к контексту и истории. Оно сделает заметными тех женщин (например цветных, а также бедных), чей опыт часто пропадает в ходе научных обобщений, претендующих на охват всех женщин. Серьезное отношение к критике категории "женщины", вероятно, позволит смягчить наши претензии к знанию и стремлению к универсальной правде. Мы станем менее склонны к обобщениям в отношении женщин (или мужчин) различных классов, рас, культур, национальностей, этнических групп или поколений. Однако, жертвуя в определенной мере нашими возможностями обобщения (которые, по мнению тех, кто занимается теорией категории "женщины", в любом случае, приводили только к ложным обобщениям), мы получили более глубокий и богатый анализ и глубже поймем проблемы.

Ученые-эмпирики, весьма чувствительные к критике категории "женщины", смогут более самокритично и осторожно употреблять этот термин и более внимательно отнестись к контексту и культурной специфике в своем подходе к исследованиям. В то же время существуют, как было отмечено ранее, убедительные доводы не отказываться полностью от категории, которая помогла им в работе. Использование категории "женщины" позволяло политологам-феминисткам ставить под сомнение некоторые из центральных положений и стереотипов этой дисциплины. Согласованная точка зрения феминисток на женщин и их опыт помогла нам как специалистам увидеть и избавиться от предвзятых и зашоренных подходов, характерных для дофеминистских работ.

Точно так же нынешний феминистский интерес к категории "женщины" может привести к исследованиям, которые расширят и улучшат базу знаний в нашей дисциплине за счет более полного учета исторической и культурной специфики и большего внимания к игнорировавшимся до сих пор слоям населения. Для исследовательниц-феминисток наиболее важными остаются вопросы, связанные с категорией "женщины"; возможно, это будет путь компромисса между некритическим принятием данной категории и полным ее отрицанием. Действуя в этом направлении, ученые-феминистки, вероятно, будут ставить новые важные вопросы в рамках политологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ackelsberg M., Diamond I.* Gender and Political Life: New Directions in Political Science // *Analyzing Gender: A Handbook of Social Science Research* (eds. *B.B. Hess, M.M. Ferrée*). Newbury (Cal), 1987.
- Almond G., Verba S.* The Civic Culture. Princeton, 1963.
- Amundsen K.* The Silenced Majority: Women and American Democracy. Englewood Cliffs. 1971.
- Andersen K.* Working Women and Political Participation, 1952-1972 // *American Journal of Political Science*. 1975. P. 439-453.
- Andersen K., Thorson S.I.* Congressional Turnover and the Election of Women // *Western Political Quarterly*. 1984. №37. P. 143-156.
- Andersen K., Cook E.* Women, Work, and Political Attitudes // *American Journal of Political Science*. 1985. № 29. P. 606-625.
- Andrain Ch.F.* Children and Civic Awareness. Columbus, 1971.
- Baxter S., Lansing M.* Women and Politics: The Invisible Majority. Ann Arbor (Mich.), 1980.
- Beckwith K.* American Women and Political Participation: The Impacts of Work, Generations, and Feminism. New York, 1986.
- Belenk M. et al.* Women's Ways of Knowing: The Development of Self, Voice, and Mind. New York, 1986.
- Bennett L.L.M., Bennett S.E.* Enduring Gender Differences in Political Interest: The Impact of Socialization and Political Dispositions // *American Politics Quarterly*. 1989. № 17. P. 105-122.
- Berelson B.K., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N.* Voting. Chicago, 1954.
- Blair D.K., Henry A.R.* The Family Factor in State Legislative Turnover // *Legislative Studies Quarterly*. 1981. № 6. P. 55-68.
- Bledsoe T., Herring M.* Victims of Circumstances: Women in Pursuit of Political Office // *American Political Science Review*. 1990. № 84. P. 213-223.
- Boals K.* Review Essay: Political Science. 1975. № 1. P. 161-174.
- Boles J.K.* The Politics of the Equal Rights Amendment: Conflict and the Decision-Making Process. New York, 1979.
- Bookman A., Morgen S.(ed.)*. Women and the Politics of Empowerment. Philadelphia, 1988.
- Bourque S.C., Grossholtz J.* Politics an Unnatural Practice: Political Science Looks at Female Participation // *Politics and Society*. 1974. № 4. P. 225-266.
- Bower L.C.* "Mother in Law": Conceptions of Mother and the Maternal in Feminism and Feminist Legal Theory // *A Journal of Feminist Cultural Studies*. 1991. № 3. P. 20-38.
- Brennan T., Pateman C.* Mere Auxiliaries to the Commonwealth: Women and the Origins of Liberalism // *Political Studies*. 1979. №27. P. 183-200.
- Brown W.* Manhood and Politics: A Feminist Reading in Political Theory. Totowa (N.J.), 1988.
- Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D.* The American Voter. New York, 1960.
- Carroll B.A.* Political Science, American Politics and Political Behavior. 1979. Part I.
- Carroll S.J.* Women as Candidates in American Politics. Bloomington (Ind.), 1985.
- Carroll S.J.* Women's Autonomy and the Gender Gap: 1980 and 1982 // *The Politics of the Gender Gap: The Social Construction of Political Influence* (ed. *C.M. Mueller*). Newbury Park (Cal), 1988.
- Carroll S.J.* The Personal Is Political: The Intersection of Private Lives and Public Roles Among Women and Men in Elective and Appointive Office // *Women and Politics*. 1989. № 9. P. 51-67.
- Carroll S.J., Dodson D.L., Mandel R.B.* The Impact of Women in Public Office: An Overview. New Brunswick (N.J.), 1991.

- Chodorow N.* The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley (Cal), 1978.
- Clarke L.M.G., Lunge L.* The Sexism of Social and Political Theory: Women and Reproduction from Pluto to Nietzsche. Toronto, 1979.
- Cohn C.* Sex and Death in the Rational World of Defense Intellectuals // Journal of Women in Culture and Society. 19X7. № 12. P. 687-718.
- Collins P.* The Social Construction of Black Feminist Thought. 1989. № 14. P. 745-773.
- Conover P.J.* Feminists and the Gender Gap // Journal of Politics. 1988. № 50. P. 985-1010.
- Costain A.N.* The Struggle for a National Women's Lobby // Western Political Quarterly. 1980. № 33. P. 476-491.
- Costain A.N.* Representing Women: The Transition from Social Movement to Interest Group // Women. Power and Policy (ed. *E. Boneparth*). New York, 1982.
- Costantini E., Craik K.H.* Women as Politicians: The Social Background, Personality, and Political Careers of Female Party Leaders // A Portrait of Marginality (eds. *M. Githens, J.L. Prestage*). New York, 1977.
- Costantini E., Bell J.D.* Women in Political Parties: Gender Difference in Motives Among California Party Activists // Political Women: Current Roles in State and Local Government (ed. *J. Flammang*). Beverly Hills, 1984.
- Dahl R.* Who Governs? New Haven. 1961.
- Dahlerup D.* From a Small to a Large Minority: Women in Scandinavian Politics // Scandinavian Political Studies. 1988. № 11. P. 275-298.
- Darcy R., Welch S., Clark J.* Women, Elections, and Representation. New York, 1987.
- Denhardt R.B., Perkins J.* The Coming Death of Administrative Man // Women in Public Administration. 1976. № 36. P. 379-384.
- Diamond I.* Sex Roles in the State House. New Haven, 1977.
- Diamond I.* (ed.) Families, Politics, and Public Policy: A Feminist Dialogue on Women and the State. New York. 1983.
- Dietz M.G.* Citizenship with a Feminist Face: The Problem with Maternal Thinking // Political Theory. 1985. № 13. P. 19-37.
- Dodson D.L.* Gender and Policymaking: Studies of Women in Office. New Brunswick (N.J.). 1991.
- Dodson D.L., Carroll S.J.* Reshaping the Agenda: Women in State Legislatures. New Brunswick (N.J.). 1991.
- DuBois E.C., Kelly G.P., Kennedy E.L., Korsmeyer C.W., Robinson L.S.* Feminist Scholarship: Kindling in the Groves of Academe. Urbana (Ill), 1985.
- Duverger M.* The Political Role of Women. Paris, 1955.
- Eisenstein Z.* The Radical Future of Liberal Feminism. New York, 1981.
- Eisenstein Z.* Feminism and Sexual Equality: Crisis in Liberal America. New York, 1984.
- Eisenstein Z.* The Female Body and The Law. Berkeley (Cal). 1988.
- Elshtain J.B.* Moral Woman and Immoral Man: A Consideration of the Public-Private Split and Its Political Ramifications // Politics and Society. 1974. № 4. P. 453-473.
- Elshtain J.B.* Methodological Sophistication and Conceptual Confusion: A Critique of Mainstream Political Science // The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge (eds. *J.A. Sherman, E.T. Beck*). Madison (Wise.), 1979.
- Elshtain J.B.* Public Man, Private Women: Women in Social and Political Thought. Princeton, 1981.
- Elshtain J.B.* Women and War. New York. 1987.
- Enloe C.* Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. Berkeley (Cal), 1990.
- Ferguson K.E.* The Feminist Case Against Bureaucracy. Philadelphia, 1984.
- Figes E.* Patriarchal Attitudes. Greenwich, 1970.
- Firestone Sh.* The Dialectic of Sex. New York, 1970.
- Fowlkes D., Perkins J., Rinehart S.T.* Gender Roles and Party Roles // American Political Science Review. 1979. № 73. P. 772-780.
- Fowlkes D.L.* White Political Women: Paths from Privilege to Empowerment. Knoxville (Tenn). 1992.

- Fraga L.R.* Latinos in State Elective Office: Progressive Inclusion in Critical Perspective // Women, Black, and Hispanic State Elected Leaders (ed. *S.J. Carroll*). New Brunswick (N.J.), 1991.
- Frankovic K.A.* Sex and Politics - New Alignments, Old Issues // PS: Political Science & Politics. 1982. № 15. P. 439-448.
- Freeman J.* The Politics of Women's Liberation. New York, 1975.
- Gelb J., Pulley M.L.* Women and Public Policies. Princeton, 1982.
- Gelb J.* Feminism and Politics: A Comparative Perspective. Berkeley (Cal), 1989.
- Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (Mass.), 1982.
- Githens M., Prestage J.L.* (eds.). A Portrait of Marginality: The Political Behaviour of the American Woman. New York, 1977.
- Gool M., Reid E.* Women and Voting Studies: Mindless Matrons or Sexist Scientism? // Sage Professional Papers in Contemporary Political Sociology. London, 1975. № 8.
- Gordon L.* (ed.). Women, the State, and Welfare. Madison (Wisc.), 1990.
- Grant R.* The Sources of Gender Bias in International Relations Theory // Gender and International Relations (eds. *R. Grant, K. Newland*). Bloomington (Ind.), 1991.
- Greenstein F.* Children and Politics. New Haven, 1965.
- Halliday F.* Hidden from International Relations: Women and the International Arena // Gender and International Relations (eds. *R. Grant, K. Newland*). Bloomington (Ind.), 1991.
- Hansen S.B., Franz L.M., Netemeyer-Mays M.* Women's Political Participation and Policy Preferences // Social Science Quarterly. 1976. № 56. P. 576-590.
- Hartsock N.C.M.* Money, Sex, and Power: Towards a Feminist Historical Materialism. Boston, 1985.
- Haavio-Mannila E. et al.* Unfinished Democracy: Women in Nordic Politics. Oxford, 1985.
- Hess R.D., Torney.I.V.* The Development of Political Attitudes in Children. Garden City (N.Y.), 1968.
- Higginbotham E.B.* African-American Women's History and the Metalanguage of Race. 1992. P. 251-274.
- Hooks B.* Ain't I a Woman: Black Women and Feminism. Boston, 1981.
- Hooks K.* Feminist Theory: From Margin to Center. Boston, 1984.
- Iglitzin L.B.* The Making of the Apolitical Woman: Femininity and Sex-Stereotyping in Girls // Women in Politics (ed. *J.S. Jaquette*). New York, 1974.
- Jaquette. J. S.* Introduction // Women in Politics. New York, 1974.
- Jennings M.K., Thomas N.* Men and Women in Party Elites: Social Roles and Political Resources // Journal of Political Science. 1968. № 12. P. 469-492.
- Jennings M.K., Farah B.G.* Ideology, Gender and Political Action: A Cross-National Survey // British Journal of Political Science. 1980. № 10. P. 219-240.
- Jennings M.K., Farah B.C.* Social Roles and Political Resources: An Over-Time Study of Men and Women in Party Elites // American Journal of Political Science. 1981. № 25. P. 462-482.
- Jennings M.K., Niemi R.G.* Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents. Princeton, 1981.
- Jenson J.* Representations of Gender: Women Workers and Infants in France and the United States before 1914 // Women, the State, and Welfare. Madison (Wisc.), 1990.
- Jones K.B., Jonasdottir A.G.* Introduction Gender as an Analytical Category in Political Theory // The Political Interests of Gender (eds. *K.B. Jones. A.G., Jonasdottir*). London, 1988.
- Karnig A., Welch S.* Sex and Ethnicity in Municipal Representation // Social Science Quarterly. 1979. № 60. P. 465-481.
- Kirkpatrick J.J.* Political Woman. New York, 1974.
- Kirkpatrick J.J.* The New Presidential Elite: Men and Women in National Politics. New York, 1976.
- Klatch R.E.* Women of the New Right. Philadelphia, 1987.
- Klein E.* Gender Politics. Cambridge (Mass.). 1984.
- Klein E.* The Gender Gap: Different Issues, Different Answers // The Brookings Review. 1985. № 3 P. 33-37.
- Kolinsky E.* Women's Quotas in West Germany // Western European Politics. 1991. № 14. P. 56-72.
- Landes J.B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca (N.Y.), 1988.
- Lane R.* Political Life. New York, 1959.
- Lauretis T.de.* Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction. Bloomington (Ind.),

- Lebock S.* Women and American Politics, 1880-1920 // Women, Politics, and Change (eds. L.A. Tilly, P. Gurin). New York, 1990.
- Lee M.M.* Why Few Women Hold Public Office: Democracy and Sex Roles // Political Science Quarterly. 1976. № 91. P. 296-314.
- Lorraine T.K.* Gender, Identity, and the Production of Meaning. Boulder (Colo), 1990.
- Lovenduski J.* Toward the Emasculation of Political Science: The Impact of Feminism // Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines (ed. D. Spender). Oxford. 1981.
- Lovenduski J.* Women and European Politics: Contemporary Feminism and Public Policy. Amherst (Mass.), 1986.
- Mackinnon C.J.* Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law. Cambridge (Mass.), 1987.
- MacManus S.A., Bullock III Ch.S.* Women on Southern City Councils: A Decade of Change // Journal of Political Science. 1989. № 17. P. 32-49.
- Mahowald M.* Philosophy of Women: Classical to Current Concepts. Indianapolis, 1978.
- Malveaux J.* Gender Difference and Beyond: An Economic Perspective on Diversity and Commonality among Women // Theoretical Perspectives on Sexual Difference (éd. D.L. Rhode). New Haven, 1990.
- Mandel R.B.* In the Running. New York, 1981.
- Mansbridge J.J.* Why We Lost the ERA. Chicago, 1986.
- Mathews D.G., Han J.Sh. de.* Sex, Gender, and the Politics of ERA: A State and the Nation. New York-Oxford, 1990.
- McDonagh E.L.* To Work or Not to Work: The Differential Impact of Achieved and Derived Status upon the Political Participation of Women. 1956-1976 // American Journal of Political Science. 1982. № 26. P. 280-297.
- Miller J.B.* Toward a New Psychology of Women. Boston, 1976.
- Mink G.* The Lady and the Tramp: Gender, Race, and the Origins of the American Welfare State // Women, the State, and Welfare (ed. L. Gordon). Madison (Wise.), 1990.
- Minnow M.* Learning to Live with the Dilemma of Difference: Bilingual and Special Education // Law and Contemporary Problems. 1984. № 48. P. 157-211.
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations. New York, 1948.
- Mueller C.M.* (ed.). The Politics of the Gender Gap: The Social Construction of Political Influence. Newbury Park (Cal), 1988.
- Nelson B.J.* Women and Knowledge in Political Science: Texts, Histories, and Epistemologies // Women & Politics. 1989. № 9. P. 1-25.
- Nelson B.J.* The Gender, Race, and Class Origins of Early Welfare Policy and the Welfare State: A Comparison of Workmen's Compensation and Mother's Aid // Women, Politics, and Change (eds. L.A. Tilly, P. Gwin). New York, 1990.
- Norris P.* The Gender Gap in Britain and America // Parliamentary Affairs. 1985. № 38. P. 192-201.
- Norton M.B.* Is Clio A Feminist? The New History // New York Times Book Review. 1986. April 13.
- O'Brien M.* The Politics of Reproduction. Boston, 1981.
- Okin S.M.* Women in Western Political Thought. Princeton, 1979.
- Okin S.M.* Justice, Gender, and the Family. New York, 1989.
- Orum A., Cohen R., Grasmuck Sh., Orum A.W.* Sex, Socialization and Politics // American Sociological Review. 1974. № 39. P. 197-209.
- Owen D., Dennis J.* Gender Differences in the Politicization of American Children // Women & Politics. 1988. № 8. P. 23-43.
- Pateman C.* "The Disorder of Women": Women, Love, and the Sense of Justice // Ethics. 1980. № 91. P. 20-34.
- Pateman C.* Women and Consent // Political Theory. 1980. № 8. P. 149-168.
- Pateman C.* The Sexual Contract. Stanford, 1988.
- Persons G. A.* Blacks in State Elective Office: The Continuing Quest for Effective Representation // Women, Black, and Hispanic State Elected Leaders (ed. S.J. Carroll). New Brunswick (N.J.), 1991.
- Phillips A.* Engendering Democracy. University Park (Penn), 1991.
- Piven F.F.* Ideology and the State: Women, Power, and the Welfare State // Women, the State, and Welfare (ed. L. Gordon) Madison (Wisc.), 1990.
- Poolle K.T., Zeigler L.H.* Women. Public Opinion, and Politics. New York, 1985.

- Randall V.* Women and Politics: An International Perspective. 2nd ed. Chicago, 1987.
- Randall V.* Feminism and Political Analysis//Political Studies. 1991. № 39. P. 513-532.
- Rapoport R.B.* Sex Differences in Attitude Expression: A Generational Explanation // Public Opinion Quarterly. 1982. № 46. P. 86-96.
- Rapoport R.B.* Like Mother, Like Daughter: Intergenerational Transmission of DK Response Rates// Public Opinion Quarterly. 1985. № 49. P. 198-208.
- Riley D.* Am I That Name? Feminism and the Category of "Women" in History. Minneapolis. 1988.
- Ros J. van der.* Class, Gender, and Participatory Behaviour: Presentation of a New Model // Political Psychology. 1987. № 8. P. 95-123.
- Ruddick S.* Maternal Thinking: Towards a Politics of Peace. Boston, 1989.
- Rule W.* Why Women Don't Run: The Critical Contextual Factors in Women's Legislative Recruitment// Western Political Quarterly. 1981.
- Rule W.* Why More Women Are State Legislators // Western Political Quarterly. 1990. № 43. p. 437-448.
- Rule W.* Mullimember Legislative Districts: Minority and Anglo Women's and Men's Recruitment Opportunity // United States Electoral Systems: Their Impact on Women and Minorities (eds. *W. Rule, Zimmerman J.F.*). New York, 1992.
- Rule W., Zimmerman J.F.*, (eds.). United States Electoral Systems: Their Impact on Women and Minorities. New York. 1992.
- Saint-Germain M.A.* Does Their Difference Make a Difference? The Impact of Women on Public Policy in the Arizona Legislature // Social Science Quarterly. 1989. № 70. P. 956-968.
- Sapiro V.* Women's Studies and Political Conflict // The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge (eds. *J.A. Sherman. E.T. Beck*). Madison (Wisc.), 1979.
- Sapiro V.* Research Frontier Essay: When Are Interests Interesting? The Problem of Political Representation of Women // American Political Science Review. 1981. № 75. P. 701-716.
- Sapiro V.* Private Costs of Public Commitments or Public Costs of Private Commitments? Family Roles Versus Political Ambition// American Journal of Political Science. 1982. № 26. P. 265-279.
- Sapiro V.* The Political Integration of Women: Roles, Socialization, and Politics. Urbana (Ill.), 1983.
- Sapiro V.* What Research on the Political Socialization of Women Can Tell Us About the Political Socialization of People // The Impact of Feminist Research in the Academy (ed. *Ch. Farnham*). Bloomington (Ind.), 1987.
- Sapiro V.* Gender Politics, Gendered Politics: The State of the Field / Presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association Chicago, 1989.
- Sapiro V., Farah B.G.* New Pride and Old Prejudice: Political Ambitions and Role Orientations Among Female Partisan Elites // Women & Politics. 1980. № 1. P. 13-36.
- Sarvasy W.* Beyond the Figgerence Versus Equality Policy Debate: Postsuffrage Feminism, Citizenship, and the Quest for a Feminist Welfare State. 1992. P. 329-362.
- Saxonhouse A.W.* Women in the History of Political Thought: Ancient Greece to Machiavelli. New York, 1985.
- Scott J.W.* Gender and the Politics of History. New York, 1988.
- Shanley M.L., Schuck V.* In Search of Political Woman // Social Science Quarterly. 1974. № 55. P. 632-644.
- Shanley M.L.* Marriage Contract and Social Contract in Seventeenth-Century English Political Thought // The Family in Political Thought (ed. *J.D. Elshstain*). Amherst (Mass.), 1982.
- Shanley M.L.* Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England, 1850-1895. Princeton, 1989.
- Shapiro R.Y., Mahajan H.* Gender Differences in Policy Preferences: A Summary of Trends from the 1960s to the 1980s// Public Opinion Quarterly. 1986. № 50. P. 42-61.
- Spelman E.V.* Inessential Woman: Problems of Exclusion in Feminist Thought. Boston, 1988.
- Stefano Ch.di.* Configurations of Masculinity: A Feminist Reading in Modern Political Theory. Ithaca (N.Y.), 1991.
- Stoper E.* Wife and Politician: Role Strain Among Women in Public Office // A Portrait of Marginality (ed. *M. Cithens J.L., Prestage*). New York, 1977.
- Stouffer S.A.* Communism, Conformity and Civil Liberties. Garden City (N.Y.), 1955.
- Studlar D.T., McAllister I., Ascuí A.* Electing Women to the British Commons: Breakout from The Beleaguered Beachhead?// Legislative Studies Quarterly. 1988. № 13. P. 515-528.
- Thomas S.* The Impact of Women of State Legislative Policies // Journal of Politics. 1991. № 53. P. 958-976.

Thomas S., Welch S. The Impact of Gender on Activities and Priorities of State Legislators // *Western Political Quarterly*. 1991. № 44. P. 445-456.

Tickner J.A. Hans Morgenthau's Principles of Political Realism: A Feminist Reformulation // *Gender and International Relations* (eds. *R. Grant, K. Newland*). Bloomington (Ind.). 1991.

Welch S. Women as Political Animals: A Test of Some Explanations for Male-Female Political Participation Differences // *American Journal of Political Science*. 1977. № 21. P. 711-730.

Welch S., Karnig A.K. Correlates of Female Office Holding in City Politics // *Journal of Politics*. 1979. № 41. P. 478-491.

Welch S., Studlar D.T. Multi-Member Districts and the Representation of Women: Evidence from Britain and the United States // *Journal of Politics*. 1990. № 52. P. 391-412.

Welch S., Herrick R. The Impact of At-Large Elections on the Representation of Minority Women // *United States Electoral Systems: Their Impact on Women and Minorities* (eds. *W. Rule, J.F. Zimmerman*). New York. 1992.

Welch S., Hibbing J. Financial Conditions, Gender, and Voting in American Elections // *Journal of Politics*. 1992. № 54. P. 197-213.

Zerilli L.M.G. Machiavelli's Sisters: Women and the "Conversation" of Political Theory // *Political Theory*. 1991. № 19. P. 252-276.

Zerilli L.M.G. Signifying Culture and Chaos: Women in Rousseau, Burke, and Mill. Ithaca (N.Y.), 1993.

© Американская ассоциация политической науки, 1993

© Перевод В.И. Семенкова. 2001